

хорошо, и именно в Дрездене, где уже мы проживали и даже *знакомство* (курсив мой. — Э. Х.) имеем» (29, 34). Пока мы знаем только немногие фамилии. С кем, например, встречались Достоевские у отца Розанова? Кто были те горячие поклонницы писателя, которые подарили его дочери игрушки?⁶⁷

2. Необходимо найти специальные списки дрезденской полиции, в которые заносились все русские, приезжающие в город и проживающие в нем. Следует внимательно и фронтально просмотреть все местные газеты той поры с целью выявления материалов о России и русских. Жизнь «русской колонии» в Дрездене еще требует обстоятельного исследования.

3. Находился ли Достоевский под наблюдением немецкой полиции? Дело в том, что русское посольство при саксонском дворе нередко просило саксонское министерство внутренних дел (через министерство иностранных дел) о помощи в наблюдении над русскими подданными, проживающими в столице королевства.

Круг нерешенных вопросов еще велик. Предлагаемая статья представляет собой всего лишь попытку выяснить и изложить некоторые ранее неизвестные факты, касающиеся жизни Достоевских в Дрездене.

⁶⁷ Там же. С. 214.

С. Н. ДАУГОВИШ

БЕЛИНСКИЙ / ПРАЛИНСКИЙ

(К проблеме литературных реминисценций в рассказе Достоевского «Скверный анекдот»)

Главный герой рассказа, рассуждая о воображаемых свидетелях своего «маленького», но многообещающего «поступка», обнаруживает способность к припоминанию литературных подробностей, обязательных, как ему представляется, в «священнейшем анекдоте» о гуманном уподоблении высших и низших чинов: «Ну уж, конечно, они меня посадят с самым важным гостем, какой-нибудь там титулярный али родственник, отставной штабс-капитан с красным носом (...) Славно этих оригиналов Гоголь описывал» (5, 13—14). Здесь дан весьма внятный намек на письмо В. Г. Белинского к И. И. Панаеву, включенное последним в текст «Воспоминаний о Белинском».¹ Аллюзия затрагивает одну из нескольких тем письма: «Нет ли слухов о Гоголе? Как я смеялся, прочтя в прибавлениях, что Гоголь, *скрепя сердце* рисует своих оригиналов. Во время оно я и сам тоже врал».² Это же письмо

¹ Панаев И. Воспоминания о Белинском // Современник. 1860. № 1. С. 339.

² Ср.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В [13-ти] т. М., 1958. Т. 11. С. 262.

приводилось и в биографическом очерке Д. Свяжского (Д. Д. Минаева) «Виссарион Григорьевич Белинский».³ Брошюра с текстом очерка опубликована в качестве приложения к десятой книжке «Сочинений В. Белинского», за выходом которых внимательно следил Достоевский (18, 71).

По меньшей мере три обстоятельства делают допустимым соотнесение текстов «Скверного анекдота» и «Воспоминаний о Белинском»: а) упрощенно-идеальное изображение знакомства Белинского с автором «Бедных людей» в первой мемуарной публикации на эту тему: «Когда к нему привели Д*, он встретил его с нежностью, почти отцовскою любовью, и тотчас же высказался перед ним *весь*, передал ему вполне свой энтузиазм»;⁴ б) длительный, персонально мотивированный интерес Достоевского к нравственной и литературной репутации «певца камелий», «наследовавшего популярность Фаддея Венедиктовича» (19, 69, 79—81);⁵ в) рекомбинаторное превращение текстов Белинского в тексты о Белинском, ставшее для энергично возвращающегося в литературу писателя источником небеспристрастных оценок как давно знакомого ему «критика Б.», так и тех, кто пришел на его место, чтобы начать новую «блестящую эру своей деятельности» (см.: 3, 161, 186; 5, 22, 50; 18, 57, 70—71; 19, 73, 110, 121, 125, 149).

Сам сюжет неудачного хождения в гости и связанных с этим злоключений непьющего героя явно восходят к пересказанному И. И. Панаевым известному анекдоту о Белинском: «Возле него стоял небольшой столик (...) с несколькими бутылками вина. В рассеянии, он облокотился на столик, столик опрокинулся, бутылки разбились, вино полилось (...) и ко всему этому Белинский потерял равновесие и упал на пол. (...) Хозяин дома испуганный бросился к нему (...) предлагая ему воду (...). Падение Белинского со стула было причиною того, что имя его стало переходить из уст в уста».⁶ Развитие выигрышной темы предпринято Панаевым и в «Литературных воспоминаниях» (ч. 2, гл. VIII). Им описан случай, когда «не имевший духу отказаться» Белинский, «скрепя сердце», едет на вечер «к генералу», где оказывается принужденным «есть поневоле» и даже пить «прескверное» вино; однако в другой ситуации, в другом доме критик находит в себе силы защититься от ухаживаний вертлявого и болтливого хозяина «вторников», не позволяет ему «вмешиваться в разговоры» и, «не внимая мольбам остаться», «уходит перед ужином».⁷

³ Свяжский Д. (Д. Д. Минаев). Виссарион Григорьевич Белинский: Биографический очерк // Белинский В. Сочинения. М., 1860. Ч. 10. С. 43 (особая пагинация).

⁴ Панаев И. Воспоминания о Белинском. С. 363.

⁵ Подробнее см.: Peace Richard. Dostoevsky's «Little Hero» and «The Knight of the Sad Countenance» // Life and Text: Essays in Honour of Geir Kjetsaa on the Occasion of his 60th Birthday. Oslo, 1997. P. 228—232.

⁶ Панаев И. Воспоминания о Белинском. С. 359.

⁷ Панаев И. Литературные воспоминания: Часть вторая (1839—1847) // Современник. 1861. № 11. С. 65—66, 69—70 (ср.: 5, 14).

Следует отметить, что мемуарным построениям Панаева предшествовала публикация двадцать пятой главы «Былого и дум». Белинский изображался здесь человеком «совершенно терявшимся на вечерах», «занемогавшим» после них на несколько дней, опрокинувшем как-то «столлик с вином и стаканами» и бежавшим с места происшествия, пользуясь «гвалтом» и «суматохой».⁸ Первую книжку «Полярной звезды» на 1855 год с текстом этой главы, возможно, и разыскивал Достоевский в Дрездене весной 1867 года, когда готовился начать работу над статьей «Знакомство мое с Белинским».⁹ В год написания и опубликования «Скверного анекдота» эстетической актуализации герценовского текста могли послужить также визиты Достоевского в лондонский дом автора «Былого и дум».¹⁰

Пишущие о Белинском, используя в своих целях те или иные фрагменты сочинений «гениального критика»,¹¹ а также мотивы и сюжеты сопровождавшей его разноголосой молвы расширили возможности «перечитывания» и «пересочинения» не только литературного наследия, но и самой личности «благороднейшего из благороднейших» (20, 75).¹²

Знакомый Достоевскому с 1859 года Д. Д. Минаев в упомянутом уже очерке «Виссарион Григорьевич Белинский», ссылаясь на «невольню явившуюся у каждого потребность знать весь ход деятельности» критика, «с намерением» приводит «слова из статьи» «Москва и Петербург» (sic!), будто бы являющиеся «повторением собственной истории» Белинского-москвича в чуждом идеалах Петербурге: «кто, живя в нем, (...) умел (...) сохранить свое человеческое достоинство, (...) тому смело можете вы протянуть руку, как человеку».¹³

Типичные для Белинского риторические конструкции герой «Скверного анекдота», оказавшийся на далеко не идеальном чиновничьем пиру, применяет практически: «К невыразимому своему удовольствию и даже счастью, Иван Ильич тотчас же распознал столоначальника из своей канцелярии, Акима Петровича Зубикова (...) Он немедленно встал и протянул Аким Петровичу руку, всю руку, а не два пальца» (5, 17). Жест книжно-риторический, изофункциональный «поднятому слогу» пассажа, завершающего цикл статей Белинского о Пушкине: «Пушкин по самой натуре своей был существом любящим (...), готовым от полноты сердца протянуть руку каждому, кто казался

⁸ Герцен А. И. Былое и думы. М., 1987. Ч. 1—5. С. 302—303.

⁹ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 1994. Т. 2. С. 105, 111, 114.

¹⁰ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 1993. Т. 1. С. 370—371.

¹¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9-ти т. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 278.

¹² Ср.: Никитина Н. С. Белинский и роман Тургенева «Отцы и дети» // Русская литература. 1997. № 4. С. 16—33.

¹³ Свяжжский Д. (Д. Д. Минаев). Виссарион Григорьевич Белинский. С. 3, 33—34 (особая пагинация).

ему „человеком”». ¹⁴ В тексте Белинского эта характеристика отчасти иллюстративна по отношению к дефиниции человеколюбия: «развивать в людях (...) чувство гуманности, разумея под этим словом бесконечное уважение к достоинству человека как человека». ¹⁵ Аналогичная комбинация понятий — и во внутреннем монологе Пралинского: «Гуманность... человеколюбие. Возвратить человека самому себе... возродить его собственное достоинство» (5, 11). ¹⁶

Дважды, и оба раза успешно, предпринимаемая захмелевшим генералом попытка выстроить «силлогизм» (5, 9, 11), возмущает не только к первому «Философическому письму» П. Я. Чаадаева, ¹⁷ но и к двум «силлогизмам» Белинского, пародирующим мышление Булгарина. ¹⁸ Вероятно, и «гарун-аль-рашидские» признаки поведения Пралинского перенесены в «Скверный анекдот» из рецензии Белинского «Тысяча и одна ночь, арабские сказки», где критик иронизировал над «обычаем мусульман» верить без всякого сомнения «неизреченному милосердию и правосудию халифа Гарун-аль-Рашида, который действительно был очень человеколюбив и милостив, и только в порывах внезапного гнева рубил головы и правому и виноватому, всегда, впрочем, раскаиваясь в этом, когда проходил гнев его». «На Востоке, — заключал Белинский, — это уже — *pes plus ultra* гуманности». ¹⁹

Герой «Скверного анекдота», действуя «ради принципа» (5, 17), пародийно воплощает в себе «лучшие чаяния» Белинского, как они представлены в очерке Д. Свияжского (Д. Д. Минаева), специально сделавшего «выписки», проясняющие «все основные принципы его критики, по которым мы можем судить, насколько они еще близки нашему настоящему». ²⁰ Выписки эти касаются, в частности, не терпящего «пиитики» «натуральной школы» типа «комфортных» читателей, а также «поклонников косной патриархальности», порицающих помощь «низшим классам» как «увлечение, тщеславие, а не человеколюбие». ²¹

Пралинский не склонен считать себя «ретроградом», ибо отнюдь не представляет тот «особый род читателей, который не любит встречаться даже в книгах с людьми, (...) обыкновенно не знающими приличия и хорошего тона». Не смущается он и амбициозным желанием «приобрести повсеместную популярность» (5, 15), поскольку «мелкие побуждения» всегда и везде

¹⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: [В 13 т.] М., 1956. Т. 7. С. 578.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ср. иначе организованный контекст в статье Достоевского (18, 52).

¹⁷ См.: Peace R. A. Dostoevsky as Prophet: The Case of «Skvernyi anekdot» and «Krokodil» // The Slavonic and East European Rev. 1993. Vol. 71, N 2. P. 258.

¹⁸ Белинский В. Г. Сочинения. М., 1859. Ч. 1. С. 321.

¹⁹ Белинский В. Г. Сочинения. М., 1860. Ч. 9. С. 105.

²⁰ Свияжский Д. (Д. Д. Минаев). Виссарий Григорьевич Белинский. С. 87 (особая пагинация).

²¹ Там же. С. 84, 86.

участвуют в «лучших человеческих действиях», а «тщеславие» и «мода», «направляемые обществом к добру», расцениваются как «отрадное в высшей степени явление новейшей цивилизации, успехов ума, просвещения и образованности».²² Любопытно, что стиль Белинского допускает употребление слова «народность» в значении «популярность». Так, в завершающей статье пушкинского цикла говорится, что «Кавказский пленник» был «одним из первых произведений Пушкина, наиболее способствовавших его народности в России».²³

Принимая во внимание значимость текстовой рекомбинаторики в словесном искусстве Достоевского, можно предположить также, что в «Скверном анекдоте» потерпевший фиаско и «бессознательно» пришедший к идее «строгости, одной строгости и строгости» (5, 45), Иван Ильич уподобляется не только «одному значительному лицу» Гоголя (см.: 24, 390), но и пушкинскому Годунову, когда тот, удрученный смутой, «окончательно решает».²⁴

Лишь строгостью мы можем неусыпной
Сдержатъ народ. Так думал Иоанн,
(.....)
Так думал и — его свирепый внук.
Нет, милости не чувствует народ:
Твори добро — не скажет он спасибо;
Грабь и казни — тебе не будет хуже.²⁵

В фигуре генерала Пралинского обнаруживается сходство с характеристикой царя-«мечтателя», выстроенной Белинским в его «антикарамзинской» статье 1845 года «Борис Годунов». Косвенно о такого рода корреляции может свидетельствовать и упоминание в тексте «Скверного анекдота» имени редактора 1-го тома «Энциклопедического словаря, составленного русскими учеными и литераторами» (5, 22; ср.: 19, 82). А. А. Краевский еще в 1836 году прославился скандально «борисолюбивой», открыто антикарамзинской статьей «Борис Федорович» в «Энциклопедическом лексиконе» А. Плюшара, где «остерегал» читателей от «опрометчивого суда над человеком, которым, может быть, должна гордиться Россия».²⁶ Краевский, между прочим, был и редактором «Литературных прибавлений к „Русскому инвалиду“» на 1838 год, читая которые, Белинский посмеялся над «враньем» анонимного критика об «оригиналах Гоголя». В письме к Панаву, полагаясь на сохраненное памятью впечатление, Белинский явно смешивает вычитанные им из 21-го номера оценки «оригинальных характеров анекдотических повестей» М. А. Маркова с

²² Там же. С. 84—86.

²³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 548.

²⁴ Там же. С. 533.

²⁵ Пушкин А. С. Сочинения: В 7-ми т. СПб., 1855. Т. 4. С. 324.

²⁶ Краевский А. А. Борис Федорович // Энциклопедический лексикон. СПб., 1836. Т. 4. С. 349.

суждениями об «умении и таланте» Гоголя, «более всех приближающегося к Пушкину».²⁷

Стихотворную трагедию Пушкина Белинский воспринял как «что-то похожее на мелодраму».²⁸ «Карамзинский» Годунов казался ему мелодраматическим злодеем, «лицом совершенно двойственным, подобно Грозному».²⁹ В отношениях Бориса с подданными, по словам критика, «с обеих сторон» была лишь «любовь по-видимому»: «первый из русских царей» обратил он «свое непосредственное, прямое (...) внимание на массу народа, на его низший слой», но «комедия» была недолгой, ибо «Борис не выдержал своей роли и сорвал с себя маску, не имея силы дольше носить ее». Малодушный «интриган» сделался «тираном, напоминающим собою Грозного». «Любовь его к народу была не чувством, а расчетом», в ней было «что-то ласкательное, льстивое, угодническое, и потому народ не обманулся ею и ответил на нее ненавистью». Наконец, останавливаясь на «частностях», Белинский отмечал «превосходно обрисованное» «добросовестное лицемерство» Годунова и делал заключение о человеческом впечатлении, производимом героем: «увлеченный судьбою взять роль не по себе», Борис «очень и очень возбуждает к себе участие: видишь необходимость его падения и все-таки жалеешь о нем».³⁰

«О многом мечтавший» и «далеко не глупый», уверивший себя в возможности стать «государственным мужем, которого долго будет помнить Россия», и «увлекаемый звездой» воплотить «неожиданно усвоенную новую тему» в «готовый пример», герой «Скверного анекдота», признаваясь в «любви ко всем» и обращаясь «ко всем» за сочувствием, устаивается не желанных криков «ура!», но «гробового молчания!» (5, 7, 8, 13, 33).

Иван Ильич изображен Достоевским как лицо «двойственное» и вместе сниженное, вторичное — и по отношению к «карамзинскому» Годунову в трактовке Белинского, и даже в сравнении с «героем амбиции» Голядкиным. Борисово испытание кровью снижено до испытания вином, а умопомешательство и раздвоение «титularного» подменено «ужасным» опьянением, являющим в «его превосходительстве», «даже осязательно для него же самого, какие-то две стороны» (5, 29).

К снижению в духе «настоящего времени»³¹ прибегает Достоевский и в аллюзии на «свирепого внука», устойчиво сопрягаемого Белинским с Годуновым — «самозванцем».³²

²⁷ См.: Критика и библиография. I: Русская литература // Литературные при-
бавления к «Русскому инвалиду» на 1838 год. 1838. № 21. С. 410, 413.

²⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 508.

²⁹ Там же. С. 510.

³⁰ Там же. С. 514, 519—521, 530, 534.

³¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9-ти т. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 50, 76.

³² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 507 (ср.: Лейбов Р. Заметки о
«Скверном анекдоте» // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 165).

Восхищаясь «чудом искусства» и неподражаемым образом «русской жизни допетровской эпохи», Белинский выделяет в монологе Пимена то место, где дана «картина Иоанна Грозного», искавшего успокоения «в подобии монашеских трудов». ³³ У Ивана Ильича, на себе испытывавшего склонность низших «членов общества» к «злокачественной» развязности, тоже «были минуты, когда он было думал постричься в монахи». «Ему представлялось тихое подземное пенье, отверзтый гроб, житие в уединенной келье, леса и пещеры; но, очнувшись, он почти тотчас же сознавался, что все это ужаснейший вздор и преувеличения, и стыдился этого вздора». «Потом ему приходили мысли, что (...) при усиленной строгости с подчиненными всё дело еще можно поправить» (5, 43). Эти непрямые реминисценции пушкинского текста осложнены в «Скверном анекдоте» еще и пародийной ориентацией на «русские были» Е. А. Аладьина «Кум Иван» и «Тысяча вторая ночь», варьирующие сюжетные схемы анекдотов о ночных хождениях молодого и «еще не Грозного» царя Ивана Васильевича в гости к подданным. ³⁴ «Кум Иван», впервые напечатанный в 1825 году, а четырнадцатью годами позже переделанный в стихотворный рассказ «Кум-сват», благополучно пережил Аладьина и накануне 1000-летия России уже как «исторический рассказ» появился под именем некоего унтер-офицера Владислава Маевского, поместившего «свое сочинение» на страницах «Чтения для солдат» (1862. Кн. 1. № 4. С. 19—31). Неравнодушное внимание Достоевского к новейшим изданиям «для народного чтения» могло получить в «Скверном анекдоте» форму квази-исторической конкретности не только благодаря особой «популярности» «тирана новгородцев», чье «отсутствие/присутствие» среди героев многофигурной композиции воздвигаемого в Новгороде памятника усердно обсуждалось прессой, но и в связи с переизданием в том же 1862 году пособия «для народных училищ» И. Паульсона и «кратких очерков» русской истории Д. Иловой-ского, популярных книг, отводивших заметное место личности и деяниям Ивана Грозного.

Как в сочинениях Белинского, так и в текстах о «гениальном критике» Достоевского интересовали знаки «времени» и «момента». Сближения старых и новых лиц, бывших и свежих идей стали для него одним из способов преодоления литературного интервала 1849—1859 годов, поры, о которой в «Литературных мелочах прошлого года» не без самодовольной иронии рассуждал Н. А. Добролюбов: «Успели подрасти и новые люди, которые, мало интересуясь изображением (...) „Слабого сердца“ (...) — перечитывали Белинского и немногих из друзей его». И далее: «...несмотря на молчание русской литературы, молодая, живая

³³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 530.

³⁴ Подробнее: Дауговитш С. Литературное произведение и его смысловая интерпретация. Рига, 1990. С. 6—8.

часть общества не переставала развиваться и постоянно старалась идти в уровень с современными требованиями. Этого-то и не сообразили почтенные люди, вновь выступившие ныне на литературное поприще, после десятилетнего молчания».³⁵ Своего рода «откликом» Достоевского на этот «вызов» стал детально воспроизведенный, персонализированный и фельетонно сопряженный с именами «г-на —бова», «Фаддея Венедиктовича» и «Нового Поэта» финал «Слабого сердца» в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе» — тексте, близком к «Скверному анекдоту» и по составу, и по тону (19, 69).

Пралинский, таким образом, похож на «Белинского» из текстов Панаева, Минаева, Добролюбова, возможно, Тургенева.³⁶ Похож герой «Скверного анекдота» и на самый «текст Белинского», со временем ставший знаковым эквивалентом «всего отрешившегося от России» и даже побудивший автора романа «Идиот» прямо назвать «лучшего либерала» Белинского «ретроградом» (28₂, 259).

Наконец, учитывая символичность псевдонима поэтики в смысловой структуре «Скверного анекдота», нельзя исключить и предположения относительно обыгрывания Достоевским реальной фамилии критика (5, 23).³⁷

³⁵ Добролюбов Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 68.

³⁶ Ср. рассказ 1860 года о случае «восьмидневного разрешения сомнений» — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. М., 1983. Т. 11. С. 172. Вариант этого рассказа, усиленный мотивом «мучительного уразумения» в добровольном «заточении», — см.: Свяжжский Д. (Минаев Д. Д.). Виссарион Григорьевич Белинский. С. 48—49.

³⁷ Ср. рекомбинаторную этимологию «Беллынский» в ранней «сплетне-легенде» о «бойком цинике» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Т. 11. С. 21).

С. Ю. ЯСЕНСКИЙ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛИТЕРАТУРНОГО И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА РОМАНА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Контекст романа «Преступление и наказание» исследован глубоко и подробно. Однако в произведениях Достоевского скрыты новые возможности прочтения текста и контекста в их взаимосвязи. Эти возможности связаны и с наличием литературных аллюзий, потенцированных в тексте; и с выявлением разнообразных типологических переключек произведения с различными явлениями творческой мысли, предшествовавшими роману, современными ему или последовавшими в позднейшее время; и с уточнением интерпретации текста путем его культурологического анализа.